

О. Б. Мозохин

«Взлет и падение» старшего следователя МГБ СССР М. Д. Рюмина

Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ исторического опыта деятельности партийных и государственных структур СССР в начале 1950-х гг. дает возможность извлечь уроки, наметить рекомендации для совершенствования современной политики обеспечения государственной безопасности России.

Конкретно-историческое изучение данного вопроса на основе введенных в научный оборот новых документов позволяет более четко представить реальные процессы функционирования органов государственной безопасности в этот сложный период истории нашего государства.

В научных работах, посвященных М. Д. Рюмину, анализируется его деятельность¹. О нем есть упоминание в сборниках документов, посвященных истории МГБ СССР², но приведенные сведения не дают окончательного ответа на вопросы о мотивах принятия им тех или иных решений. Попробуем разобраться в этом.

2 июля 1951 г. мало кому известный старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник М. Д. Рюмин написал заявление И. В. Сталину о нарушениях законности при ведении следствия в органах государственной безопасности. В нем он сообщал, что министр госбезопасности В. С. Абакумов запретил ему допрашивать арестованного врача, профессора Я. Г. Этингера в направлении «вскрытия его замыслов по террору» в отношении кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова. Таким образом следствие по этому делу было «смазано». Позже профессор умер, и его

Мозохин Олег Борисович
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

«террористическая деятельность» осталась нерасследованной. По мнению М. Д. Рюмина, министр имел склонность обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе МГБ СССР. Кроме того, в следственной части систематически и грубо нарушалось постановление ЦК ВКП(б) и советского правительства о ведении следствия. Показания арестованных под силой принуждений записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность.

М. Д. Рюмин высказал мнение, что В. С. Абакумов является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как МГБ СССР; внутри министерства на наиболее ключевые места он поставил своих людей, которые постепенно теряют партийность, превращаясь в его подхалимов³.

Ранее в отдельных публикациях высказывались предположения, что это заявление было написано по требованию Д. Н. Суханова — помощника члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, в его кабинете⁴; или Рюмин написал его в кабинете заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК С. Д. Игнатьева⁵ и т. д. Все они вызывают большие сомнения, каких-либо документальных свидетельств или воспоминаний очевидцев этих событий авторы не представляют. Позже, уже после своего ареста, на допросе у Л. П. Берии М. Д. Рюмин рассказал, что его вынудило написать это обращение. Как это ни покажется странным с позиций сегодняшнего дня, но письма, отправляемые Сталину, доходили до адресата.

Данное заявление способствовало смещению со своего поста В. С. Абакумова. По словам помощника И. В. Сталина — А. Н. Поскрёбышева, вождь ругал себя за то, что согласился с предложенной Л. П. Берией кандидатурой на пост министра, так как она его не устраивала. Была и другая причина смещения министра госбезопасности. В. С. Абакумов становился слишком самостоятельным, он стал единолично принимать решения по ведению следствия в органах государственной безопасности, не ставя в известность ЦК, — т. е. Сталина, а вождь не привык к этому. Можно также частично согласиться с Н. В. Петровым, который считает, что «заявление Рюмина совпало с желанием Сталина устроить серьезную кадровую чистку в МГБ»⁶.

Через два дня после получения заявления, 4 июля, была образована Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), которой поручалось проверить факты, изложенные старшим следователем⁷, а уже 11 июля, по результатам ее работы, было принято решение: снять В. С. Абакумова с поста министра госбезопасности СССР, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд⁸. Занимаемых постов лишились и другие руководящие работники МГБ СССР. На следующий день, 12 июля, Абакумов был арестован.

10 июля 1951 г. М. Д. Рюмин назначен временно исполняющим обязанности начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР. 4 октября ему было присвоено очередное звание — полковник.

В письме от 10 октября 1951 г. он считал своим долгом сообщить «дорогому Сталину», что сделано по линии следствия, и о дополнительно вскрытых провалах в работе МГБ СССР.

За это время сотрудники следственной части пересмотрели все следственные дела. Из 184 дел, числившихся по состоянию на 10 июля 1951 г., 70 были в запущенном состоянии.

МГБ СССР приняло меры к немедленной ликвидации последствий антигосударственной практики в следственной работе. Так, было возобновлено следствие по делу Этингера, которое предполагалось вести в направлении вскрытия террористической деятельности врачей. Усилены допросы арестованных участников ликвидированных в Москве и Ленинграде молодежных антисоветских террористических организаций СДР и МРП(к). Возобновлено следствие и по другим делам.

Были вновь начаты допросы арестованных бывших генералов и офицеров Советской Армии: К. Ф. Телегина, И. С. Варенникова, В. В. Крюкова и др.; бывших сотрудников аппарата Уполномоченного МВД СССР в Германии Г. А. Бежанова, С. А. Клепова и др. Приняты меры к ликвидации запущенности в следственном деле на группу еврейских националистов — С. А. Лозовского, И. С. Ферера, Л. С. Штерн и др., проводивших шпионскую и антисоветскую националистическую деятельность.

Всего к 8 октября было закончено следствие по 65 делам. В ближайшее время предполагалось завершить дела еще на 45 арестованных, следствие в отношении которых велось по году и более.

Докладывая Сталину о положительных результатах следственной работы, Рюмин отразил отдельные недостатки, которые пока не удалось устранить.

В ходе проверки состояния следствия в оперативных управлениях МГБ СССР стало очевидным, что в проведении антигосударственной деятельности Абакумову способствовали не только А. Г. Леонов, Л. Л. Шварцман, М. Т. Лихачев и В. И. Комаров, но и другие лица. Кроме бывших заместителей министра: Н. А. Королева, Н. Н. Селивановского, А. С. Блинова, Е. П. Питовранова, он назвал начальника 2-го главного управления МГБ СССР Ф. Г. Шубнякова, его заместителя Л. Ф. Райхмана, бывшего начальника 1-го Управления МГБ СССР Г. В. Утехина, его заместителя С. Н. Карташова, бывшего начальника Секретариата МГБ СССР И. А. Чернова, бывшего заместителя начальника Управления кадров И. И. Врадия и бывшего секретаря Парткома МГБ СССР В. П. Рогова.

По мнению Рюмина, обстановка во 2-м главном управлении СССР была непартийной и там работали по принципу «сор из избы не выносить». При проверке работы управления выяснилось, что с 1948 г. по июль 1951 г. было арестовано 112 секретных сотрудников (агентов), из них 61 двурушничали и находились в преступной связи с иностранными разведками.

В отношении упомянутого Карташова Рюмину было известно, что он является одним из приближенных Абакумова, всячески угождал ему, а министр, со своей стороны, прикрывал его антипартийные и антигосударственные действия. Несмотря на то, что Карташов проваливал важные дела, Абакумов продвигал его вверх по служебной лестнице.

При проверке следственной работы в 3-м главном управлении МГБ СССР, возглавляемом Я. Ф. Едуновым, также были выявлены недопустимые факты провалов в работе.

В письме Рюмин упомянул о неблагоприятной роли первого заместителя министра С. И. Огольцова, который знал о преступлениях Абакумова, но не реагировал на них. Отметил хорошую работу министра С. Д. Игнатъева, его высокую партийность, широкую эрудицию и большой жизненный опыт. Считал, чем быстрее МГБ СССР освободится от угодников Абакумова, тем скорее органы госбезопасности ликвидируют неблагополучие в чекистской работе⁹.

Заявление Рюмина и его личное письмо Сталину послужили поводом к тому, что 19 октября 1951 г. постановлением СМ СССР он был утвержден заместителем министра госбезопасности, членом Коллегии МГБ и начальником следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это постановление¹⁰.

Такой карьерный взлет был необычен для того времени. По-видимому, Сталин с помощью Рюмина хотел решить накопившиеся проблемы в МГБ за время руководства ведомством Абакумовым, которому он перестал доверять.

Однако через год, за неспособность раскрыть «дело Абакумова» и «дело врачей», постановлением СМ СССР от 13 ноября 1952 г. Рюмин был отстранен от работы в Министерстве госбезопасности и направлен в распоряжение ЦК КПСС. Сталин быстро разочаровался в своем выдвиженце.

В постановлении говорилось, что правительство несколько раз указывало министру госбезопасности и начальнику следственной части по особо важным делам МГБ СССР, что при расследовании таких важных дел, как дело Абакумова — Шварцмана и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра, нельзя ограничиваться выяснением частных дел, а нужно добраться до первоисточников преступления. Несмотря на эти указания, следственная часть оказалась неспособной выполнить эти указания.

В связи с этим правительство приняло решение: снять Рюмина с поста начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР и освободить его от обязанностей заместителя министра государственной безопасности СССР, с направлением его в распоряжение ЦК КПСС; обязать министра Игнатъева лично проследить за тем, чтобы указания правительства по делу Абакумова-Шварцмана и врачей из Лечсанупра проводились со всей точностью; предложить Игнатъеву представить новую кандидатуру на должность начальника следственной части, способную выполнять указания правительства¹¹.

В тот же день, после своей отставки, 13 ноября 1952 г. М. Д. Рюмин направил И. В. Сталину докладную записку по делу врачей-террористов, где сообщал, что он принимал участие в допросе арестованного профессора В. Х. Василенко, который после длительного и упорного запирательства признался в том, что в 1948 г. вступил в преступный сговор с П. И. Егоровым, В. Н. Виноградовым, Г. И. Майоровым, С. Е. Карпай и принял участие в «умерщвлении» А. А. Жданова и генсека Болгарской компартии Г. Димитрова. В. Х. Василенко признался также, что в результате преступного отношения к лечению лидера компартии Японии К. Токуды они и его вывели из строя.

Он писал, что понимает государственную важность этих дел, поэтому суровые, но справедливые выводы, сделанные в отношении себя, воспринял как должное. Просил поверить, что он всегда был честен перед партией, никогда

не щадил своих сил. Изложил свои мысли: в чем, по его мнению, он лично был виноват. По делам на Абакумова — Шварцмана, террористов-врачей не сумел добиться такого положения, чтобы к ним было приковано внимание не только следственных работников, но и руководящего состава других оперативных управлений. Следователи не решили главной задачи, не выявили связи арестованных врагов партии с иностранными разведками. М. Д. Рюмин считал себя виновным в том, что не смог укрепить следственную часть опытными, политически острыми работниками¹².

14 ноября 1952 г. Рюмин был назначен старшим контролером Министерства госконтроля СССР (по Министерству финансов и Государственной штатной комиссии).

После того как Игнатъев объявил Рюмину решение правительства об освобождении его от работы в МГБ СССР, последний стал опасаться, как бы Игнатъев не поступил с ним так, как в свое время он поступил с Абакумовым, т. е. не обвинил бы его в умышленном «смазывании» дел. Рассчитывая оградить себя от этого, он 23 февраля 1953 г. направил Сталину очередное письмо, в котором сообщал, что уже около месяца работает в Министерстве государственного контроля СССР, куда был отправлен после опубликования в печати материалов дела о врачах-убийцах. В МГК СССР он вынужден был сказать, что его увольнение из органов МГБ связано с этим делом. В связи с этим там на него стали смотреть как на ротозея.

Он напомнил Сталину, с чего началось это дело. Для раскрытия террористической организации врачей во главе с Е. П. Питоврановым была создана оперативная группа, которая ничего не сделала. В 1952 г. она была упразднена и ее функции были возложены на 2-е главное управление и следственную часть по особо важным делам.

Следственной части удалось заполучить заявление врача Л. Ф. Тимашук о причинах смерти А. А. Жданова, но путей для его проверки долгое время не находили. В Главном управлении охраны пытались успокоить тем, что Тимашук рядовой врач и ее доводы опровергаются крупнейшими специалистами, которые находятся вне подозрений.

Узнав, что в Лечсанупре Кремля хранится сердце А. А. Жданова, решили провести специальную экспертизу. Для этого требовалось секретно изъять сердце и вернуть его обратно. Намеченные мероприятия были проведены, убедительные доказательства о преступном лечении А. А. Жданова получены, а ЦК проинформирован. Под давлением собранных улик арестованные врачи признались в совершенных преступлениях, а некоторые из них стали показывать о своей шпионской связи с иностранными разведками.

По мнению М. Д. Рюмина, когда «дело врачей», возникшее при его участии, стало компрометировать его как чекиста-коммуниста, он вынужден был восстановить все факты так, как они были в действительности. Получилось, что он сделал большое дело, и Сталин оценил его, а теперь это дело повернулось против него. Он писал, что полностью смирился с тем, что его ущемили материально, лишили офицерского звания и даже с тем, что на какой-то срок лишили любимой специальности — чекиста. Но он не мог смириться с тем, что ему

пришлось предстать перед судом общественности и семьи. М. Д. Рюмин просил Сталина еще раз пересмотреть его вопрос и оградить от необоснованных подозрений в том, что из МГБ его выгнали за дело врачей-убийц как ротозея¹³.

Если бы М. Д. Рюмину пришлось предстать перед судом общественности и семьи, это было бы полбеде, но все сложилось по-другому. После смерти Сталина по указанию министра МВД СССР Л. П. Берия¹⁴ против него стали собирать компрометирующие материалы.

17 марта 1953 г. Л. П. Берия сообщил Г. М. Маленкову об аресте М. Д. Рюмина, который обвинялся в том, что являлся организатором фальсификаций и грубых извращений в следственной работе.

Одновременно он направил протокол допроса А. И. Петровой от 14 марта 1953 г., в котором было отражено недостойное поведение бывшего заместителя министра госбезопасности Рюмина. Согласно протоколу допроса, Петрова дважды — 2 и 22 марта 1952 г. — подвергалась домогательствам с его стороны¹⁵.

10 апреля 1953 г. старший следователь капитан Акимов рассказал о том, что Рюмин после повышения возомнил себя удельным князем, распространял измышления о своей близости к ЦК партии. Требовал безоговорочного выполнения всех его указаний как якобы исходящих от «инстанции». Неблаговидную роль в создании его ореола славы сыграл С. Д. Игнатьев, который во всем поддерживал своего заместителя. М. Д. Рюмин давал прямые указания следователям допрашивать арестованных не по существу совершенных ими преступлений, а по заранее преподнесенной им схеме. Путем применения мер физического воздействия от арестованных вымогались ложные показания. Эти материалы представлялись в инстанцию, затем по ним арестовывались новые люди.

Акимов описал всю систему обмана, насилия и фальсификации на деле М. И. Белкина, которым он занимался. Работая в органах государственной безопасности, Белкин совершил ряд служебных преступлений. Однако Рюмин считал это недостаточным, выставляя его шпионом, националистом и заговорщиком. Через две недели он определил следователю обвинение, которое следует предъявить Белкину. Оно явно расходилось с существом материалов, но Рюмин заявил, что это согласовано в вышестоящих кругах. К Белкину стали применять меры физического воздействия, в результате тот сознался, что был националистом. Затем, 22 декабря, после того, как его вновь избили, он рассказал, что был завербован английской разведкой. 24 декабря эти показания были записаны для направления их в инстанцию.

Акимов писал: «Больно и тяжело сознавать, что, попав в эту затхлую антипартийную обстановку, не сумел найти своего надлежащего места и пошел на поводу у политических проходимцев и авантюристов, но факт остается фактом»¹⁶.

25 июня 1953 г. Л. П. Берия направил Г. М. Маленкову протокол допроса М. Д. Рюмина от 10–13 июня 1953 г.

В сопроводительной записке Берия сообщал, что Рюмин признал себя виновным в том, что обманым путем пробрался в органы госбезопасности, в карьеристских целях систематически занимался фальсификацией следственных

материалов, в результате чего арестовывались и осуждались невинные люди. Под руководством Абакумова принимал активное участие в фальсификации следственных материалов по делам «Шпионского центра в Еврейском антифашистском комитете», «Ленинградскому делу», делу профессора Этингера и др.

В мае 1950 г. Рюмину за то, что он не зафиксировал показаний Этингера о терроре, парторганизация объявила выговор. При этом было учтено, что ранее он уже имел партийное взыскание за халатность, едва не приведшую к потере портфеля со следственным делом.

В то же время Управление кадров МГБ СССР потребовало у Рюмина объяснения по существу скрытых им при поступлении в органы безопасности компрометирующих его биографических сведений.

Почувствовав, что «под ним заколебалась почва», Рюмин, чтобы избежать ответственности за совершенные им преступления, обратился с известным заявлением к И. В. Сталину. После ареста Абакумова Рюмин, поощренный оказанным ему доверием, развернул в следственной части практику фальсификации следственных материалов по ряду дел. Поставив перед собой цель доказать правильность своего заявления по делу Этингера, создал известное дело о так называемых врачах-вредителях. Ввел в широкую практику применение мер физического воздействия к необоснованно арестованным гражданам и фальсификации на них следственных материалов¹⁷.

На допросе Рюмин уточнил некоторые свои биографические сведения. По его словам, летом 1937 г. работал в г. Свердловске главным бухгалтером областного управления связи. В связи с тем, что против него были выдвинуты обвинения в неправильном расходовании денежных средств и в том, что он пользовался покровительством арестованного к тому времени врага народа — начальника областного управления связи Щербака, Рюмин выехал в Москву, где хотел устроиться на работу в Наркомсвязь, но это ему не удалось. Позже он был принят в Наркомвод СССР старшим ревизором финансового отдела, затем, в связи с переходом Управления строительства канала Москва — Волга в систему Наркомвода СССР, переведен на финансовую работу в это управление. В 1941 г. стал начальником планово-экономического отдела.

В июле того же года его вызывали в Красногорский райком партии, а затем в МК ВКП(б) и направили в Высшую школу НКВД СССР. Воспользовавшись тем, что после начала Отечественной войны порядок приема на работу в органы НКВД был упрощен, Рюмин скрыл некоторые факты, касающиеся его и его родственников. Так, он скрыл, что его отец Д. О. Рюмин был зажиточным крестьянином, до Октябрьской революции содержал в селе Кабанье Курганской области харчевню и торговал скотом, а в 1930 г. был исключен из колхоза за связь с кулацкими элементами. Умолчал о том, что его тесть П. П. Паркачев — бывший колчаковский офицер, и что его брат Степан в 1938 г. был осужден за грабеж к четырем годам лишения свободы, а его самого в 1937 г. за связь с Щербаком исключили из членов ВЛКСМ в 1948 г., а его сестра Анна Черноскулова была осуждена за спекуляцию.

Далее он показал, что после трехмесячного обучения в Высшей школе НКВД был направлен в распоряжение Особого отдела Архангельского воен-

ного округа, где работал старшим следователем, а с 1943 г. — начальником следственного отделения. В это время ему было поручено ведение следствия по делу фотокорреспондента газеты «Патриот Родины» И. П. Ермолина. Основанием к его аресту послужила сводка наружного наблюдения о том, что тот якобы посетил английскую военно-морскую миссию в Архангельске. Исходя из этих данных, Рюмин упорно домогался от Ермолина признания в шпионаже, но тот отрицал это обвинение, утверждая, что никогда не был в здании английской военно-морской миссии (как потом оказалось, это относилось к другому человеку). М. Д. Рюмин и начальник контрразведки И. И. Головлев сильно избili Ермолина и заставили его дать ложные показания о том, что он являлся английским шпионом. Этими показаниями заинтересовался Абакумов, по указанию которого Рюмин был вызван в Москву. Он ожидал наказания за фальсификацию дела, но вместо этого неожиданно был переведен на работу в следственный отдел Главного управления контрразведки.

М. Д. Рюмин рассказал, что когда он прибыл с делом Ермолина в Москву, туда же был доставлен и сам арестованный. На первом же допросе у Абакумова он заявил, что дал вымышленные показания в результате избиений. Абакумов вызвал Рюмина, и тот рассказал, как было сфальсифицировано дело. Абакумову, видимо, понравилась откровенность Рюмина, потому что, когда на его вопрос: «Сильно ли били Ермолина?» тот ответил: «Били сколько было сил», усмехнулся и сказал, чтобы Рюмин явился к начальнику следственного отдела Главного управления контрразведки Леонову, который объявил ему, что он остается в центральном аппарате на правах прикомандированного. Спустя три месяца Рюмин был зачислен на должность старшего следователя, а в 1946 г. он стал заместителем начальника отделения следственного отдела Главного управления контрразведки.

Далее Рюмин показал, что на так называемой «кухне Бровермана» от имени арестованных фабриковались клеветнические заявления в адрес И. В. Сталина. Там сфальсифицированные протоколы допроса арестованных под видом корректировки искажались до такой степени, что от действительных показаний почти ничего не оставалось. Эти сочинения затем заставляли арестованных подписывать.

После назначения 4 мая 1946 г. на пост министра государственной безопасности СССР В. С. Абакумова фальсификация следствия приняла более широкий размах. К арестованным широко применялись меры физического воздействия. Заместители начальника следственной части — М. Т. Лихачев и В. И. Комаров — часто приезжали в Лефортовскую тюрьму, расхаживали по кабинетам и избивали находившихся на допросах арестованных. Почти по каждому делу от них вымогали ложные показания с целью компрометации ответственных партийных, советских и военных работников и видных представителей интеллигенции.

Такая практика ведения следствия применялась по многим делам. Наиболее характерным в этом отношении было возникшее в 1948 г. дело руководителей Еврейского антифашистского комитета. Основное направление, по которому фабриковались материалы следствия, заключалось в том, что

арестованным приписывались шпионаж в пользу американской разведки и стремление якобы по ее заданию создать в Крыму еврейскую республику с тем, чтобы использовать ее как плацдарм для американских войск в предстоящей войне против СССР.

Сфальсифицированными показаниями арестованных по этому делу была оклеветана П. С. Жемчужина — жена В. М. Молотова. Арестована группа лиц, близко соприкасавшихся с ней по работе в Министерстве пищевой промышленности или являвшихся ее родственниками, причем никаких материалов, дающих основание к аресту этих лиц, не имелось¹⁸.

М. Д. Рюмин рассказал, что в 1949 г. он принимал участие в фальсификации показаний некоторых арестованных по «Ленинградскому делу». Большинство обвиняемых было приговорено к расстрелу.

В ноябре 1950 г. он вел следствие по делу арестованного профессора-медика Я. Г. Этингера, в отношении которого имелись агентурные сведения о том, что он в своей семье и среди близких знакомых допускает антисоветские и клеветнические высказывания, главным образом на почве преследования евреев в Советском Союзе. До января 1951 г. профессор содержался во Внутренней тюрьме МГБ СССР, Рюмин его ежедневно допрашивал, как правило до четырех-пяти часов утра. Профессор тяжело переносил такие допросы и в декабре 1950 г. вынужден был признаться в своих антисоветских националистических настроениях. На одном из допросов он показал, что привлекался в качестве консультанта во время болезни А. С. Щербакова и видел, что лечащие врачи иногда допускали, по его мнению, ошибки в назначении лекарственных средств, но не принял мер к их исправлению. Позже на допросе у Абакумова Этингер отказался от всех своих показаний, заявив, что он все это выдумал, сидя в камере, потому что Рюмин требовал от него показаний в этом направлении. На дальнейших допросах продолжал настаивать на своей невиновности, затем вновь стал давать прежние показания. В конце января 1951 г. Леонов предложил приступить к составлению обобщенного протокола допроса Этингера, но составить его не удалось, так как показания профессора требовали некоторых уточнений, которых он не давал, а в начале марта он умер в тюрьме.

Из показаний Рюмина следует, что, прежде чем подать заявление на имя Сталина, он все тщательно взвесил и продумал. К лету 1951 г. он оказался в довольно неприятном положении: помимо объявленного по партийной линии выговора по делу Этингера, в конце мая 1951 г. Управление кадров МГБ заинтересовалось неправильными сведениями, которые он давал о своих родственниках, и потребовало объяснить — почему скрывал компрометирующие данные о них. 31 мая он написал по этому вопросу рапорт, однако и в нем скрыл компрометирующие его сведения. М. Д. Рюмин понимал, что его служебное положение стало шатким. Кроме того, он видел, что фальсификация следствия в следственной части приняла широкий размах и разоблачение этой преступной практики неизбежно. В этом случае вместе с Абакумовым будут привлечены к ответственности многие следователи, в том числе и он. Поэтому заявить о преступной работе следственной части Рюмин не мог.

Обдумывая создавшееся положение, он пришел к выводу, что дело Этингера может послужить для него удобным и убедительным поводом для того, чтобы, с одной стороны, выступить в роли разоблачителя Абакумова и уйти таким образом от ответственности за совершенные преступления по фальсификации следствия, а с другой — застраховать себя на будущее от каких-либо более серьезных неприятностей, чем объявление выговора за то, что он не зафиксировал показания профессора.

Так он и поступил. В заявлении, направленном Сталину, он обвинил Абакумова не в известных ему фактах фальсификации следствия, а в «смазывании» дел и сокрытии показаний Этингера по террору.

Последовавшие за его заявлением аресты Абакумова и руководителей следственной части были для него полной неожиданностью.

Когда после этих арестов его, как разоблачителя преступных действий Абакумова, назначили исполняющим обязанности начальника следственной части, он решил извлечь все выгоды из создавшейся ситуации.

М. Д. Рюмин полагал, что со временем может вскрыться, что Этингер ославлен как террорист необоснованно. В связи с этим, чтобы предотвратить такой исход, Рюмин пошел на преступную авантюру. В целях подтверждения своего заявления он организовал фальсификацию материалов по «делу врачей», стремясь доказать наличие законспирированной террористической группы, якобы связанной с этим делом.

Одновременно он стал компрометировать руководящий состав МГБ, обвиняя работников ведомства во вредительстве. Это было необходимо для того, чтобы иметь основание утверждать, что террористическая деятельность среди врачей вскрывалась медленно в связи с тем, что в органах МГБ засели сообщники Абакумова. Под этим предлогом ему удалось добиться новых арестов среди руководящего состава МГБ СССР.

Министр госбезопасности Игнатьев шел навстречу Рюмину в его стремлениях к аресту ряда руководящих работников МГБ, которых тот ложно обвинял во вредительстве. По согласованию с Игнатьевым, Рюмин 10 октября 1951 г. написал письмо Сталину, цитируемое выше, в котором облил грязью группу руководящих работников. Ознакомившись с письмом, Игнатьев посоветовал отправить его в Сочи с таким расчетом, чтобы оно было доставлено Сталину одновременно с его приездом туда. При этом дал понять, что необходимо создать видимость, будто он об этом письме ничего не знает. По возвращении Игнатьева из Сочи последовало указание Сталина об аресте ряда лиц, упомянутых в письме Рюмина¹⁹.

После арестов работников МГБ СССР Рюмин и Игнатьев стремились создать видимость разоблачения вредительской группы в МГБ для того, чтобы показать результаты своей работы. Однако к сентябрю 1952 г., несмотря на фальсификацию следствия и другие ухищрения, стало очевидным, что дела сотрудников МГБ проваливаются, так как ни от кого из арестованных, кроме Шварцмана, не удалось получить нужных показаний. Тогда Рюмин и Игнатьев добились разрешения на применение к арестованным мер физического воздействия. Рюмин выехал в Лефортовскую тюрьму и приказал избить резиновыми

палками и плетками группу арестованных чекистов, однако и эти меры не дали никаких результатов.

Такое же примерно, положение создалось и по «делу врачей». В начале ноября 1952 г., несмотря на то, что из следственных материалов по «делу врачей» было видно, что никакой террористической группы нет, Игнатьев дал указание подготовить итоговую информацию по этому делу на имя И. В. Сталина. Такой документ был подготовлен. Однако эта информация не удовлетворила Игнатьева, и он лично дополнил ее выводами, которые не подтверждались следственными материалами.

В заключение своего допроса Рюмин заявил, что, действуя из авантюристических и карьерных побуждений, зашел настолько далеко, что не мог остановиться. «Я понимаю всю тяжесть своей ответственности, так как на мне лежат страдания и кровь многих невинных людей, но я прошу мне поверить, что именно поэтому считаю теперь своей обязанностью сказать все как было на самом деле»²⁰.

12 сентября 1953 г. генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов направили в Президиум ЦК КПСС Г. М. Маленкову докладную записку, в которой сообщили, что арестованный М. Д. Рюмин при поступлении в 1941 г. в органы НКВД и во время приема в 1943 г. в партию скрыл свое чуждое происхождение. Кроме того, в своих биографических данных указывал, что имеет незаконченное высшее образование, в то время как он окончил 8 классов средней школы.

На допросах Рюмин признал, что фальсификацией следственных дел и вымогательством от арестованных ложных показаний он начал заниматься задолго до того, как ему удалось пробраться на руководящую работу в центральный аппарат МГБ СССР. Став в 1951 г. начальником следственной части, а затем и заместителем министра госбезопасности, он на основе сфальсифицированных материалов в 1951–1952 гг. подверг репрессиям и незаконно обвинил в измене Родине и других тяжких преступлениях большое число советских людей.

Воспользовавшись обращением к нему жены арестованного Петрова, Рюмин дважды посетил ее квартиру и склонил к сожительству.

Виновным себя признал.

Поскольку преступная деятельность Рюмина была доказана, МВД СССР и Прокуратура СССР считали возможным закончить дело и передать материалы на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, применив к нему за совершенные преступления тюремное заключение сроком на 25 лет²¹. Таким образом, первоначально планировалось подвергнуть Рюмина наказанию в виде лишения свободы.

Пока дело Рюмина готовилось к передаче в суд, его показания резко изменились: вместо признания своей вины он стал все отрицать. В письме Маленкову от 29 сентября 1953 г., отправленном из Лефортовской тюрьмы, он рассказывает, что в тюрьме подвергается многочисленным надругательствам и пыткам, каким не подвергались злейшие враги советской власти. В его деле нет и не может быть документов, изобличающих его в фальсификации, обмане партии, ибо он работал честно²².

16 октября пишет о своей работе в МГБ и о своих ошибках, одновременно заявляя, что расследования по всем делам проводились в соответствии с законами советского государства, указаниями партии и правительства. В заключение просит «дорогого товарища Маленкова» вмешаться в его дело²³.

13 ноября сообщает Маленкову о ходе следствия и об объявленной им голодовке. М. Д. Рюмин пишет, что его дело не расследуется, а фальсифицируется, ему не дают написать обстоятельное заявление в ЦК, не дают достаточного количества бумаги. Просит допрашивать его с участием прокурора и дать очную ставку со свидетелями по его делу. До выполнения этих требований он отказывается от участия в следствии и не будет давать какие-либо показания.

Также в письме упоминает, что в самом начале следствия Л. П. Берия объявил ему: «Больше я вас и вы меня не увидим. Мы вас ликвидируем!», после чего он постоянно находится под воздействием мыслей, когда это произойдет. По его словам, он мог оказаться в доме умалишенных, так как у него были галлюцинации²⁴.

27 ноября 1953 г. Рюмин сообщил Маленкову, находясь уже во Внутренней тюрьме, что достаточного количества бумаги для заявления в ЦК не дают. Следствие глумится над указаниями И. В. Сталина, который сказал: «Не ограничивайте бумагой и не беспокойте за нас, что нас завалят заявлениями. Нам не безынтересно знать, что напишет арестованный». М. Д. Рюмин отразил свои заслуги следующим образом: за 12 лет работы в органах безопасности через его руки прошло около 700 дел, и ни по одному из них не было вынесено судами частного определения о нарушении законов²⁵.

9 февраля 1954 г. Р. А. Руденко и С. Н. Круглов направили в Президиум ЦК КПСС докладную записку, где сообщили, что следствием по делу М. Д. Рюмина установлено следующее: работая до 1948 г. в органах военной контрразведки, а затем старшим следователем следственной части по особо важным делам МГБ СССР, он занимался фабрикацией следственных дел ни в чем не повинных граждан, широко практикуя применение к арестованным мер физического воздействия, шантаж, а также фальсификацию следственных материалов. Вымогал от арестованных заведомо ложные и провокационные показания, направленные на компрометацию видных деятелей Советского государства и членов их семей. Опасаясь ответственности за преступления, совершенные под руководством Абакумова, он обратился с заявлением, в котором сообщил о «смазывании» в МГБ СССР дел по террору. Оказавшись на посту заместителя министра госбезопасности, Рюмин принял все меры к тому, чтобы подтвердить правильность своего заявления в ЦК КПСС, и с этой целью пользовался теми же способами и приемами, какие практиковал в свое время Абакумов. На следствии дал показания о совершенных им преступлениях и написал два покаянных письма в адрес Берии, но затем от этих показаний отказался. Ввиду того, что его преступная деятельность была полностью доказана, МВД СССР и Прокуратура СССР посчитали возможным закончить следствие по делу и направить все следственные материалы на рассмотрение ВК ВС СССР. При этом был приложен проект обвинительного заключения по делу²⁶.

В упомянутых заявлениях на имя Л. П. Берии от 28 августа и 24 сентября 1953 г., не отрицая своей вины в преступной деятельности, Рюмин писал: «Теперь я глубоко осознал, как тяжело переносить слезы детей, жен и матерей, и вот в эти трудные для меня дни все мои надежды и мысли тоже обращены к Вам... Вы хорошо знаете мое дело. Я не имею права на какие-либо оправдания. У меня остается одно — надежда на Ваше великодушие. Простите преступления, которые были совершены мною в большом водовороте без какого-либо злого умысла».

И далее: «...моя вина велика. Не без основания я 7 месяцев нахожусь в тюрьме... Я это осознал и любое Ваше решение приму как должное, ибо я Вам верю больше, чем какому-либо суду...»²⁷

19 апреля 1954 г. Президиум ЦК КПСС принимает предложение Р. А. Руденко и С. Н. Круглова о направлении следственных материалов по делу Рюмина на рассмотрение ВК ВС СССР.

2–7 июля 1954 г. ВК ВС СССР в закрытом судебном заседании было рассмотрено дело Рюмина. Суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-7 УК РСФСР, и приговорил к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества и с лишением его правительственных наград и воинского звания²⁸.

В связи с тем, что в свое время общественность была широко информирована о карьеристских, преступно-авантюристических действиях Рюмина, председатель Верховного Суда СССР А. А. Волин полагал целесообразным итоги судебного процесса по делу Рюмина опубликовать в печати после рассмотрения его ходатайства о помиловании. 16 июля 1954 г. Президиум ЦК КПСС согласился с этим предложением и поручил ему подготовить текст сообщения для печати²⁹.

В ходатайстве о помиловании Рюмин пишет, что он приговорен к ВМН за преступления против Советского государства, которые не совершал. Просит передать Центральному Комитету, что остается преданным партии и правительству. «Прошу меня помиловать, и я оправдаю доверие, если оно мне будет оказано»³⁰.

19 июля 1954 г. ходатайство о помиловании Рюмина было рассмотрено с участием Председателя Верховного Суда СССР А. А. Волина, Генерального Прокурора СССР Р. А. Руденко, Министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, Министра юстиции СССР К. П. Горшенина и Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. А. Серова. Ввиду тяжести совершенного Рюминым преступления против Советского государства и народа и отсутствия каких-либо смягчающих обстоятельств его ходатайство было отклонено. Члены Президиума Верховного Совета СССР единогласно проголосовали за отклонение ходатайства М. Д. Рюмина о помиловании. 21 июля Президиум ЦК КПСС утверждает это постановление³¹.

В этот же день Президиум ЦК соглашается опубликовать текст сообщения в печати об итогах судебного процесса по делу Рюмина следующего содержания:

«2–7 июля 1954 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела в судебном заседании дело по обвинению Рюмина М. Д. в преступлении, предусмотренном статьей 58-7 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебным следствием установлено, что Рюмин в период его работы в должности старшего следователя, а затем и начальника следственной части по особо важным делам бывш. Министерства государственной безопасности, действуя как скрытый враг советского государства, в карьеристских и авантюристических целях стал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины.

Как показали в суде свидетели, Рюмин применял запрещенные советским законом приемы следствия, принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тягчайших государственных преступлений — измене Родине, вредительстве, шпионаже и др.

Последующим расследованием установлено, что эти обвинения не имели под собой никакой почвы, и привлеченные по этим сфабрикованным делам лица полностью реабилитированы.

Учитывая особую опасность вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Рюмина к ВМН — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение»³².

Так печально закончилась головокружительная карьера сталинского выдвиженца, не оправдавшего возложенных на него надежд.

¹ Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М., 2004; Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005. Петров Н.В. Бухгалтер — такой простой. О последнем фаворите Сталина, который занимался «Делом врачей» и делом «Маршал» — против Жукова // Новая газета. Спецвыпуск: Правда ГУЛАГа. 2010. 27 окт., № 18 (39); и др.

² Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ (1917–1991): справочник. М., 2003; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002; Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: сб. документов. М., 2007; Политбюро и органы государственной безопасности. М., 2017; и др.

³ Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ (1917–1991). С. 658–660.

⁴ Михаил Дмитриевич Рюмин // Государственное управление России в портретах: сайт. URL: <http://deduhova.ru/statesman/mihail-dmitrievich-ryumin/> (дата обращения: 03.04.2021); и др.

⁵ Левченко В.И. Абакумов Виктор Семенович. Помощник Маршала Советского Союза Берии Лаврентия Павловича. URL: <https://angelov.su/book/abakumov-viktor-semenovich-pomoschnik-berii> (дата обращения: 03.04.2021).

⁶ Петров Н.В. Бухгалтер — такой простой...

⁷ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 1–6.

⁹ Там же. Д. 542. Л. 59–79.

¹⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 348.

¹¹ Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ (1917–1991). С. 679–680.

¹² Сталин и МГБ СССР. С. 520–522.

¹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 222. Л. 244–249.

¹⁴ После смерти И. В. Сталина Л. П. Берия был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел СССР. Объединенное МВД СССР включило в свой состав существовавшие ранее самостоятельно МВД СССР и МГБ СССР.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 223. Л. 40–46.

¹⁶ Там же. Л. 105–109.

¹⁷ Там же. Л. 110–113.

¹⁸ Там же. Л. 114–125.

¹⁹ Там же. Л. 133–138.

²⁰ Там же. Л. 160.

²¹ Там же. Д. 224. Л. 1–3.

²² Там же. Л. 6–9.

²³ Там же. Л. 56, 57–57 об.

²⁴ Там же. Л. 72–72 об.

²⁵ Там же. Л. 84–84 об.

²⁶ Там же. Л. 119–121.

²⁷ Там же. Л. 146–147.

²⁸ Там же. Д. 225. Л. 96–105.

²⁹ Там же. Л. 94–95.

³⁰ Там же. Л. 120.

³¹ Там же. Л. 106, 108.

³² Там же. Л. 121–122.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2021 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мозохин О. Б. «Взлет и падение» старшего следователя МГБ СССР М. Д. Рюмина // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 978–993.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.409>

УДК 94(47).084.8

Аннотация: На основе введения в научный оборот новых архивных документов, в частности из Архива Президента Российской Федерации, в статье отражен механизм принятия решений Политбюро ЦК ВКП(б) по реформированию органов государственной безопасности в начале 1950-х гг. Основанием к этому послужило заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина, сигнализировавшего о неблагоприятном положении в Министерстве госбезопасности. Заявление способствовало смещению с поста и аресту министра В. С. Абакумова. Кроме него был арестован и ряд других руководителей МГБ СССР. В октябре 1951 г. постановлением СМ СССР М. Д. Рюмин утвержден на должность заместителя министра госбезопасности, члена Коллегии МГБ и начальника следственной части МГБ СССР. Однако через год, за неспособность раскрыть «дело Абакумова» и «дело врачей», он был отстранен от работы в Министерстве госбезопасности и направлен в распоряжение ЦК КПСС, а позже назначен на должность старшего контролера Министерства госконтроля СССР. После смерти Сталина Рюмин был арестован и в июле 1954 г. за фальсификацию следственных материалов, истязания арестованных и др. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу. По решению Президиума ЦК в печати было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что, по показаниям свидетелей, Рюмин применял запрещенные советским законом приемы следствия, принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тягчайших государственных преступлений — измене Родине, вредительстве, шпионаже и др., при этом последующими расследованиями установлено, что эти обвинения не имели под собой никакой почвы, и привлеченные по этим сфабрикованным делам лица полностью реабилитированы.

Ключевые слова: Политбюро, госбезопасность, репрессии, сталинизм, МГБ СССР, следствие, нарушение законности.

Сведения об авторе: Мозохин О. Б. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); mozohin@bk.ru

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Mozokhin O. B. “Rise and Fall” of the Senior Investigator of the MGB of the USSR M. D. Ryumin’, *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 978–993.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.409> (In Russian)

Abstract: Drawing on new archival documents recently released into circulation, this article investigates the decision-making mechanism of the Politburo of the Central Committee of the CPSU regarding the reform of state security bodies in the early 1950s. The reason for this was the statement of the senior investigator of the Investigative unit for particularly important cases of the MGB of the USSR, M. D. Ryumin, who signaled the unfavorable situation in the Ministry of State Security. This contributed to V. S. Abakumov’s removal from office and arrest. A number of other leaders of the MGB were also arrested. In October 1951, by decree of the Soviet Council of Ministers, M. D. Ryumin was appointed Deputy Minister of State Security, member of the Board of the MGB, and head of the investigative unit of the MGB. However, a year later, he was suspended from work in the Ministry of State Security for failing to solve the “Abakumov case” and “the doctors’ case”, and was sent to the Central Committee of the CPSU. Later he was appointed to the post of senior controller of the Ministry of State Control of the USSR. After Stalin’s death, Ryumin was arrested in July 1954 for falsifying investigative materials, torturing prisoners, and committing other offenses. By the decision of the Military Board of the Supreme Court of the USSR, he was executed.

Keywords: Politburo, state security, repression, Stalinism, MGB of the USSR, investigation, violation of the law.

Author: Mozokhin O. B. — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); mozohin@bk.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitria Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

Lubianka. Bodies of the CHEKA — OGPU — NKVD — NKGB — MGB — MVD — KGB (1917–1991), Reference book, comp. A. I. Kokurin, N. V. Petrov (Moscow, 2003). (In Russian)

Lubianka. Stalin and the MGB of the USSR, March 1946 — March 1953, Collection of documents, comp. V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. S. Plotnikova (Moscow, 2007). (In Russian)

Petrov N. In. ‘On recent favorite of Stalin, who engaged in the “Doctors Affair” and in the “Marshal Affair” against Zhukov’, *Novaya gazeta*, 27 October 2010. (In Russian)

Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) and the Council of Ministers of the USSR, 1945–1953, comp. O. V. Khlevniuk and others (Moscow, 2002). (In Russian)

Received: May 10, 2021

Accepted: September 6, 2021